

«НУ ЧТО ТЕБЕ СКАЗАТЬ ПРО...»

Юрганов Олег

Наверняка многие из нас еще помнят песню, тёплую по тональности и душевности переживаний лирического героя из семидесятых годов прошлого века. Правда, в ней пелось лишь о Сахалине и меланхолично замечалось, что «...На острове нормальная погода...». Между тем, кто переписывается (теперь уже чаще всего по Интернету) со своими друзьями в России, Украине, Белоруссии, знают, что получив от нас «дежурный» вопрос: «Как там у вас?..» адресат нередко отвечает словами этой песни – «Ну что тебе сказать про...». Вряд ли я ошибусь, если «навскидку» процитирую продолжение с обычным ответом: «На (или в...) нормальная погода».

Наши тамошние корреспонденты, скорее всего (это подтверждают и социологические опросы россиян, белорусов, украинцев), мало интересуются погодой политической. Они не вникают во всевозможные причины и следствия, происходящих вокруг них событий, маркированных газетными заголовками, как «судьбоносные» или «исторические». Катаклизмы партийно-политической возни новых функционеров мало увлекают тех, кто на Украине, Белоруссии

и в России, конечно, пытаются выбраться из лабиринтов множества проблем нынешнего своего бытия.

Откровенно говоря, и мы здесь друг с другом редко об этом заговариваем. Тема не слишком привлекательна ни по сюжетам, ни по сути фактов, о которых нам могут иной раз написать оттуда.

И всё же, иногда поинтересуемся! Наверное, потому, что там захоронены наши предки. Там остались еще кое-какие родственники. Там, увы, всё еще живёт наша память.

В самом деле! Иной раз невольно возникнут мысли о былом... Взбудоражат не столько память и воображение, сколько ум, чуткий к нынешним событиям, случившимся там – «на чужбине-родине». Тогда уже какие-то факты перелопатят и душу, хранящую впечатления недавнего прошлого. Случился такой факт и у меня.

В осеннем выпуске журнала «Россия XXI» была опубликована рецензия на мою книгу, вышедшую в Нью-Йоркском издательстве Liberty Publishing House – «Сны дядюшки Эла». Неведомыми мне путями повесть попала в редакцию московского очень солидного научного журнала, озабоченного общественно-историческими, политическими и эстетическими процессами российского общества. Книга была прочитана Андреем Витальевичем Каравашкиным – профессором кафедры истории и теории культуры Российского Государственного Гуманитарного Университета. Доктор А.В.Каравашкин, до поры мне совершенно незнакомый,

движимый некими добрыми чувствами или любознательностью, прочитал мою повесть и написал обширную рецензию, которую по обилию весьма глубоких мыслей и оценок я готов назвать философским трактатом.

“Появление «Американской сказки» Оливера Юргена, – пишет А.В.Каравашкин, – автора во многих отношениях оригинального и человеческого, стало замечательным поводом, чтобы подумать о состоянии и современной культуре, и книжного рынка, и нашей собственной души. Когда сталкиваешься с той непосредственностью и детскостью восприятия мира, которые характерны для американского русскоязычного писателя, то невольно задаешь себе вопрос: «Почему гармония, разум и человечность не прививаются в нашем мире?» Современному читателю (по-видимому, автор имеет в виду российского – **О.Ю.**) непросто совпасть с интенциями (смыслы, намерения, цели – **О.Ю.**) книги и почти невозможно обрести внутреннее равновесие, необходимое для этого. Но книга Юргена имеет своего адресата”.

Разумеется, лукавить мне незачем – мне приятно, что профессор, прочитал мою повесть. Но то, что он в связи с этим размышляет над превратностями литературного процесса и социально-этическими проблемами современной России, крайне меня заинтриговало. Мотивы моего творческого усилия – написать об американском старике – никак не были связаны с проблемами, о которых размышляет профессор Российского Государственного Гуманитарного Университета!

Не скрою, с большим интересом я ознакомился и со статьями, опубликованными в четвертом номере журнала «Россия XXI». И вовсе не только потому, что моё естественное любопытство привлекла напечатанная там рецензия доктора А.В. Каравашкина на мою сказку о жизни и приключениях в Пенсильвании, весьма далёкой от России, пожилого американца Элберта Джонсона и его племянника Тони. Публикации в журнале показались мне острыми публицистическими откровениями авторов, обладающих трезвым взглядом не только на нынешнюю Россию, но и на проблемы современного мира.

Тревоги А.Каравашкина о явлении, названном им – безадресностью современной литературы мне тоже очень близки. Однако, я хотел бы уточнить. Авторы множества книг, скорее всего не всегда озабочены тем, чтобы написанная ими книга чему-то научила читателей. Оставила бы в его душе добрый след. «Включила» бы те механизмы сознания, которые привели бы в действие поступки, решения, идеи, смыслы которых авторы книг, так или иначе, адресуют своим читателям. Разумеется, одни книги побуждают в читателях добро, другие нечто противоположное. На первый взгляд эти рассуждения покажутся банальными отзвуками дискуссий прошлых столетий, когда морализирующие и философствующие литераторы были увлечены желанием вести за собой читателя, чтобы неустанно сеять в их душах «доброе, вечное». По-моему, задачи у писателей и по сию пору остались неизменными. К тому же их число возросло, а современная литература во многом изменилась. Разнообразие жанров и стилей сегодня – на любой вкус. Книжный рынок

забит до отказа. И, здесь, в США, и в России. Полки книжных магазинов набиты «историями» о вампирах, приключениях, уводящих читателя в придуманные миры, где действуют сказочные герои, вершащие понятное только ими добро и зло, творимые по придуманным писателями критериям. Иной раз бессмысленно прилагать ум читателя к оценкам проблем, над которыми бьются герои книг, созданных некоторыми современными писателями. Нравственные коллизии, над которыми бьются люди, живущие в нынешней цивилизации, порой совершенно не похожи на конфликты, которые им предлагаются сочинителями, озабоченными «крутыми» сюжетами или эротическими приключениями героев.

Фавориты читательского внимания – детективы и фэнтези. Читиво развлекательное и лёгкое, так сказать ни к чему читателя не обязывающее. Вовсе не случайно книги, написанные в жанре фэнтези литературоведы относят к историко-приключенческим романам, действия в которых близки к реальному Средневековью, а герои вовлечены в конфликты или взаимоотношения с мистическими, сверхъестественными существами и явлениями. Современного читателя это уводит от неприятных реалий весьма противоречивого, а то и просто трудного каждодневного бытия. Если это цель современной литературы, то средство оправдано.

Лучшее свидетельство тому книги британской писательницы Дж.К.Роулинг, изданные миллионными тиражами. Приключения юного волшебника Гарри Потера в призрачном мире мистических событий, смысл и причины которых

рождены в бездонных глубинах воображения Дж.Роулинг, пленил миллионы читателей от 11 до 16 лет. Голливудские фильмы, снятые по мотивам этих романов с помощью новейших цифровых технологий, приблизили выдуманные миры к очертаниям сегодняшней реальности, внушая зрительской массе обманчивую картину сходства героев и проблем, творимых ими в их волшебном бытии, с теми, которыми якобы полон и реальный мир за стенами кинотеатров и книжных обложек.

В отличие от научной фантастики фэнтези вовсе не стремится объяснить мир и проблемы, с которыми сталкивается современный человек. Сам этот выдуманный мир существует гипотетически. Его местоположение относительно нашей реальности никак не оговаривается авторами. Ну и что? Пусть в таком мире существуют некие боги, могучие колдуны, драконы, эльфы, гномы, тролли. Разве читатель не имеет право на сказку? Однако, отличие чудес фэнтези от их сказочных аналогов в том, что они являются в придуманных сюжетах нормой и действуют там, как естественные явления, понятные героям, привычные для них. Автор хочет убедить читателя, что они как-то связаны с реалиями нашего нынешнего бытия. Человека, пребывающего в роли читателя фэнтези, будут «донимать» идеи и герои. Он погружается по самую «макушку» в виртуальную «рукотворную» среду, не имеющую аналогов с той реальностью, в которой его ждут обыденные проблемы, а главное их решения, без которых невозможно обойтись. Пусть так и будет. Спрос рождает предложение. И всё же...

«...Человек – тип, – вот задача искусства. Лев Толстой написал Платона Каратаева; они, Платоны, миллионами в то время бродили по русской земле. Теперь Платон – да не тот. Я не хочу читать про то, как один человек выпустил кишки другому. Это их частное дело, это меня не касается. Я хочу знать, – каков сейчас этот стомиллионный Платон?»

Эти строки написал Алексей Толстой и сегодня их смысл достаточно убедительно свидетельствует о смыслах писательского творчества, целях художественного сочинительства, которые ставят перед собой литераторы.

Книги, которые читает современный читатель, могут развлекать. Могут отвлекать от реальности. Могут, подобно наркотикам, уводить в призрачный мир грёз, нагружая воображение яркими сполохами красок, которые мгновенно рассеиваются, как только перевернута последняя страница. Но книги могут еще и рассказывать о тех, кто живет в этом мире, наслаждается или страдает по тем же поводам, что и читатель, задумываются о том же, что и те, кто готов обратиться к роману или повести, чтобы почерпнуть в них яркие чувства, глубокие мысли или оценить сарказм, юмор писателя, разоблачающего зло.

Пусть эти мысли звучат тривиально! Но писатели, книги которых мы и сегодня относим к золотому фонду классики сделали что-то такое, что и в нынешней цивилизации они «...отвечают на те вопросы, которые актуальны для нас. Секрет её молодости именно в этом...». По-моему эта мысль профессора А.Каравашкина и справедлива и верна!

Нравственное долголетие классики недоступно такой литературе, как многотомная история о похождениях юного колдуна Гарри Потера, хотя коммерческий эффект такой книжной «попсы» несравненно выше... Однако, та же «Алиса в стране чудес» Льюиса Керрола, которую со странным упорством некоторые литературоведы относят к жанру «фэнтези», поделила с добротной классикой место на Олимпе долговременного читательского внимания. Произошло это потому, что сказка британского математика тесно была населена героями, в которых в пору её издания могли узнать в десятках живых, иной раз весьма сановных особ, чьи поступки оставляли заметный, а порой и очень болезненный след в памяти современников. А типы? Хоть и были некоторые из них замаскированы под видом то ли милых животных, то ли симпатичных говорящих предметов, становилось очевидным для тех же современников и Алисы, и Льюиса Керролла, что автор на славу потрудился, чтобы предупредить своих читателей: будьте осторожны! Здесь тот, кто вам лжёт, хотя и мило улыбается. А этот готов воспользоваться вашей слабостью, чтобы утолить свою корысть. И это длится с 1864 года! Вряд ли современные многотиражные сочинители мистических триллеров могут рассчитывать на такое же долголетие. По-видимому, прав московский профессор А. Каравашкин, когда пишет о классике, что она до сих пор способна «...обнаруживать главное, вечное и общечеловеческое...»

Между тем и сегодня реальность бытия, попадая в поле зрения современных писателей, трансформируется их стараниями, работой их ума и воображения во множество

книг. Однако они составляют уже не «штучную» литературу, проникшую через запутанные лабиринты времен и эпох, а так называемую «литературу мейнстрима». Этот термин введен в обиход литературоведов сравнительно недавно. Ему дало жизнь английское слово – mainstream (основное течение). Нынешние аналитики литературных явлений в современном обществе «поручили» этому термину отражать основные идеи и смыслы, события и образы героев, и их поступки в литературе. Иначе говоря, отражать некий актуальный и для писателей, и якобы для читателей тоже, историко-литературный процесс.

Литература «мейнстрима», – пишет А. Каравашкин, – не может игнорировать потенциального читателя, она создаётся с расчётом на него. Толща и важнейшие течения литературного потока... формируется здесь». С этим трудно поспорить, тем более что неведомо как в этом потоке книг на русском языке, видимых и доступных автору рецензии, появилась моя повесть «Сны дядюшки Эла», которую русский профессор-читатель назвал «очень своевременной книгой» поскольку позволила ему «... не только по-другому посмотреть на Америку, но и по-другому посмотреть на Россию».

Разумеется, аргументы для такого вывода автор рецензии черпает из современной ему российской жизни.

«...Последние 10-11 лет в нашей стране активно формируется мифология американофобии... Оставим в стороне все радикальные и экстремистские проявления этой вражды. Достаточно посмотреть на юмор российских «сатириков», на

аудиторию Михаила Задорнова, например, чтобы понять: даже недостатки и абсурдность российской действительности становятся поводом для того, чтобы подчеркнуть сметливость, «продвинутость» россиян и тупость «америкосов» (да простят меня за использование этого бранного словечка, но оно очень точно характеризует состояние наших мозгов). Выходит наше превосходство состоит не в любви к лучшим проявлениям национального характера, но в любви к тому, что составляет мутный поток российской действительности, ту, простите, канализацию, которую мы тоже почему-то должны любить».

Смолчать на этот счет не смогу. В этом смысле «хороши», наверное, обе стороны. 20 лет назад СССР рухнул. Но наследство-то осталось! «Русофобия» не исчезла из каталога стереотипов американцев и в новейшей истории США. Недавно смотрю голливудский фильм «Пророк», снятый в 2006 году. Некий главный чин ФБР выказывает всё ту же «озабоченность», что «русские неспособны нормально хранить ядерное топливо, которым воспользовались террористы, изготовившие ядерное взрывное устройство, оказавшееся в Калифорнии».

Опять и опять «разгильдяйство «русских», их великодержавная наглость, пропитавшая ментальность и сегодняшней политической и социальной элиты, продолжает оставаться плодоносной почвой для произрастания в ментальности американских публицистов и политиков пресловутой «русофобии».

Естественное самолюбие нации, а точнее её элиты, переплавляется в политические позиции, представления и особенно эпитеты её элиты на фоне кризисов и долговременных конфликтов. Вражда и подозрительность, возникающие между глобальными оппонентами, не только подрывают стабильность мирного сосуществования, но и формируют «долгоиграющие» стереотипы. Они круглосуточно «дежурят» в ментальности наций, переключаясь из поколения в поколение и в США, и России. У политиков есть «обслуживающий персонал». В том числе и среди тех, кто призван «доводить до масс» идеи и смыслы, в которых, как им кажется и живёт истина, которую народ, якобы, не должен забывать, чтобы «бдиль»! Так было во времена СССР, и в нынешние времена, когда современные российские литераторы предлагают читателям свой взгляд на... допустим, поиск национальной идеи, якобы призванной мобилизовать самосознание народа. В чём, по мнению профессора А. Каравашкина, цели нынешних российских литераторов, стараниями и воображением которых возник литературный поток – мейнстрим, вовлекающий «в свой мощный поток современного человека»? Для меня, лишенного возможности наблюдать за литературным процессом в России, ответ на этот вопрос никак не был связан с идеями моей повести «Сны дядюшки Эла», но поскольку профессор А. Каравашкин сам связал эти два факта, мне показалось интересным с его помощью попытаться в этой связи как-то разобраться.

«Главная цель у модераторов современного «национально самосознания» создать привлекательный образ российского

«консьюминга», той идеальной модели, которая, как полагают, должна стать основой нашего патриотизма».

«Консьюминг» еще один термин, который в современном русском языке уже начинает чувствовать себя едва ли не хозяином в социологических, экономических, публицистических, и литературоведческих текстах.

«Consuming» – тоже английское слово, что значит на русском: «потребление». Не думаю, что для нас сегодняшних свидетелей рыночного капитализма в России, это понятие может выглядеть «экзотически».

Россия уже 20 лет пребывает в экономическом пространстве, «под завязку» насыщенном товарами массового потребления. «Дефицит», царивший почти восемь десятков лет в обыденной практике советских людей, оформился в самосознании советских людей, с помощью тамошних и тогдашних писателей, в лживый стандарт умеренности и скромности. Блеск в глазах неуголенных потребностей масс в самом насущном подменялся литераторами «светом очей» духовного расцвета народа, строящего коммунизм.

Теперь – всё иначе! Самосознание народа, живущего в «царстве рынка», созерцающего ломящиеся от обилия товаров полки магазинов, радикально трансформировалось.

Профессор А. Каравашкин свидетельствует: «консьюминг», иначе говоря, потребление, беспрепятственное, ограниченное только мерой возможностей заработать некое количество денег, стало доминирующей идеологией нового бытия россиян. Необузданное потребление, которое со стороны

смотрится соблазнительным сходством с избытком и сытостью нации вызвало к жизни новое желание политиков сделать его фундаментом современного российского патриотизма, для того, чтобы у долгожданной национальной идеи появилась прочная, основа. Дело за «малым»: убедить в этом же миллионы россиян. Например, читателей книг литературного «мейнстрима». «Поэтизация консьюминга или, проще говоря, ценностей общества потребления... происходит повсеместно. Благодаря средствам массовой информации и литературе... читатель априорно программируется. ...Вместе с образом желанного читателя формируется и образ грядущего человека, и пригодная модель социума. Как тут не поверить в то, что литература имеет не только пророческую миссию, но и своеобразную возможность конструировать наше будущее».

Обращаясь к опыту нынче весьма известных писателей России, чьи имена и книги «на слуху», в частности С. Минаева и В. Пелевина, профессор А.В.Каравашкин извлекает изготовленных ими литературных персонажей из недр многотомных текстов этих и подобных им авторов, давая литературным персонажам весьма суровые оценки. «...Они уже умеют отличать изящный стеб от дешевой шняги, умеют ценить лейблы и бренды, они знают кем станут и какую нишу займут в этой жизни... Это серые существа, проводящие дни свои в суете, грезящие богатством, изначально мечтающие покинуть место проживания и оказаться где-нибудь за океаном. Они болезненно и тупо привязаны к брендам и гламуру. Это машины потребительского общества, консьюминг на четырёх ногах... В жизни этих людей важное место занимает и «любовь», но реакции здесь тоже почти

зоологические. ...Примитивное виляние хвостом на улице при виде существа противоположного пола».

Придется расшифровывать нынешний сленг, которому и профессор А. Каравашкин вынужден уступить место в своей статье, поскольку за ними – реальность нынешней российской жизни. Итак, «стеб» – шутка с элементами издевательства. «Изящный стёб» оказывается, означает способность высказаться, оценить легко, не слишком тревожа самолюбие собеседника. «Шняга» – пришла с созданием таможен между границами бывшего СССР, когда всякую товарную мелочь россияне стремились провезти через таможни. Теперь с появлением массового ширпотреба из Китая, «шняга» стала обозначать некачественный ширпотреб. «Дешевая шняга» – почти «масло-масляное», однако, чувствуется за этим словом – конкретный след практического опыта россиян. «Лейблы», «бренды», «гламур» – пришли из английского, а стало быть, нам незачем искать толкования их смысла. Всё, что отметил профессор А. Каравашкин в приведенном отрывке – практика нынешней России, подвергнутая весьма популярными в России писателями, творчества которых касается московский профессор, энергичной «эстетической модернизации».

Читая книги С.Минаева и В.Пелевина, мне поначалу даже показалось, что их проза – честный рассказ о болезненной нравственной ломке современного человека, в российской реальности. Она казалась губительной и опасной не только для «простого человека», но и для будущего духовного самочувствия нации. Однако, никакого «честного» рассказа не

случилось, и в том, что я заблуждался, – убедил меня А. Каравашкин.

«Почему Минаев так важен идеологам консьюминга? Если Пелевин описал генезис коммерческого сознания, то Минаев констатировал его цветущее состояние, как непреложный факт нашей жизни, как нечто не подлежащее пересмотру... Минаев... творец ...коммерческой чернухи. Любая порнография по сравнению с этим будет казаться романтической поэмой о неразделенной любви. Писатель выступает в данном случае в знакомой нам с детства роли «инженера человеческих душ», менеджера по продажам готовых образцов и моделей поведения».

Так объединено время бытия нации и усилия современных ей авторов, которые пытаются целеустремлённо осмыслить характеры и типажи героев и прототипов современников, переплавляя художественные образы в идеи и смыслы литературы «мейнстрима». Не знаю, думают ли эти писатели или нет о том, что эти усилия обращают идеи и мысли их книг в катализаторы «умственной химии» читателей, точнее в мысли, поступки, надежды, мечты граждан России, пребывающих хотя бы изредка в роли людей, берущих в руки книги, чтобы почитать, и быть может задуматься над прочитанным, глядя на мир из своих автомобилей, или бросив взгляд из окна своей квартиры на примыкающий к дому двор. Профессор А. Каравашкин, как читатель, соседствует с сотнями тех, кто готов оценить по достоинству продукцию книжной попсы. «...Мнение многих симптоматично: помойки нам и так хватает без Минаева; не нужно большого ума, чтобы

описывать эту грязь. На вопрос, какую литературу вы считаете достойной внимания, я получил короткий ответ: Библия».

Как справедливо заметил московский профессор «...Для Пелевина... он, как писатель, на мой взгляд, вполне адекватно передаёт состояние современного российского общества, Бог это только слово из трёх букв». Между тем, «проклятые» вопросы, издавна прописанные в российской ментальности и вряд ли нынче исчезнувшие: “Что делать?” и “Кто виноват?” продолжают оставаться открытыми. Между тем, лихорадочный поиск ответов на них в российской художественной литературе, судя по реплике А.Каравашкина, остаётся безуспешным, во всяком случае, для тех, кто, отчаявшись найти их в прозе нынешних минаевых и пелевиных, открывает Библию...

На фоне такого анализа российского бытия, отражённого в книгах авторов, удостоившихся размышлений профессора А.Каравашкина, его оценки повести «Сны дядюшки Эла» невольно напомнили мне идеи и цели, которые владели мной, когда я работал над этой книгой. Но сначала высказывание рецензента.

«Старик Эл – одна из вариаций широко известного в новоевропейской литературе «естественного человека», далёкого от цивилизации и больших городов, уединенно живущего, нашедшего общий язык с природой, гармоничного и по-детски наивного. Его внутренний мир полностью согласуется с той идиллической картиной покоя,

безмятежности и доброты, которую символизируют лес, уютное старое жильё. Прошлое Эла укоренилось в семейных преданиях. Его настоящее скрашивает забота о маленьком племяннике Тони... Наивен дядюшка Эл с его верой в истины, внушенные когда-то взрослыми, честными, и безупречными, не утратившими веру в порядочность, чувство ответственности и долга перед людьми, перед природой, перед всем живым. А это еще воспитанная в духе протестантской морали вера в закон, в то, что шериф стоит на страже покоя людей и никогда сам не пойдет на преступления, в то, что зло будет наказано, а правосудие справедливо и неотвратимо. Мерой всего оказывается человек, простой, непритязательный, обычный, живущий своей частной жизнью, но при этом защищенный, уверенный в завтрашнем дне, помнящий о будущем, которое олицетворяет собой подрастающее поколение. Главным адресатом «Снов дядюшки Эла» является ребёнок. Это чистая и гуманистическая детская литература, передающая основы добропорядочности, чувство социальной солидарности, сознание того, что человек остается человеком в любых обстоятельствах. Человечны и сны дядюшки Эла”.

Дорогого стоит взгляд академически образованного читателя, осмыслившего повесть, наполненную многолетними раздумьями автора, едва успевшего освоить духовный опыт страны, где оказался волею судеб.

Наш диалог через два океана обрёл новые акценты, когда совершенно неожиданно профессор А.В.Каравашкин предложил мне роль... читателя своего первого и еще не опубликованного романа. Однажды он решил сменить

профессорскую мантию на «толстовку» начинающего литератора. Его роман – «Твой личный Ангел», присланный мне по Интернету, не только возвратил меня к трудным раздумьям о судьбе человека и хрупкости его нравственных убеждений в современной цивилизации, но и убедил в важности повторения старой истины о неустанных усилиях писателя обращать волю людей к думам о неотвратимости морального выбора личности. Выбора тяжкого, однако, чреватого не только жертвенностью, утратой духовного иммунитета, но и победами над ложными истинами.